

DOI: 10.31857/S013038640026774-9

© 2023 г. М.А. ПЕТРОВА

ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕДОРОВИЧА КАК ГЕРЦОГА ГОЛЬШТЕЙН-ГОТТОРПСКОГО В СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Петрова Мария Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Scopus Author ID: 57211014068; Researcher ID: V-2400-2019

Аннотация. В статье, основанной на неопубликованных материалах Архива внешней политики Российской империи, рассматриваются три связанных между собой сюжета. Первый касается признания в 1745 г. великого князя Петра Федоровича как герцога Гольштейн-Готторпского совершеннолетним на год раньше 18-летия в связи с его переходом в православие и опасений, что изменение вероисповедания может стать препятствием для вступления во владение герцогством. Второй сюжет посвящен переговорам о предоставлении Гольштейн-Готторпу индивидуального голоса в Коллегии князей рейхстага Священной Римской империи. Переговоры велись с перерывами в течение почти двух десятилетий и не увенчались успехом из-за противоречий между Гольштейн-Готторпом и курфюршеством Брауншвейг-Люнебург, которым владел британский король. Третий сюжет связан с получением инвеституры на владение герцогством, от которой Петр Федорович фактически отказался из-за нежелания императрицы Елизаветы Петровны, чтобы представитель цесаревича участвовал в традиционном церемониале, предусматривавшем коленопреклонение перед императором. Однако отказ не помешал великому князю утвердить свой статус в Священной Римской империи и не поставил под сомнение его право на владение герцогством.

Ключевые слова: рейхстаг, Священная Римская империя, Елизавета Петровна, Г.К. фон Кейзерлинг, Российская империя, дипломатия, дипломатические отношения, инвеститура, династия Гольштейн-Готторпов, германские княжества, Германия, Петр Федорович.

М.А. Petrova

Legitimation of Grand Duke Peter Fedorovich as Duke of Holstein-Gottorp in the Holy Roman Empire

Maria Petrova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Scopus Author ID: 57211014068; Researcher ID: V-2400-2019

Abstract. In the article, the author, drawing on unpublished materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, examines three related subjects. The first subject concerns the recognition in 1745 of Grand Duke Peter Fedorovich as Duke of Holstein-Gottorp and as an adult a year ahead of his coming of age due to his conversion to Orthodoxy and fears that a change of religion could become an obstacle to taking possession of the Duchy. The second subject concerns the negotiations to grant Holstein-Gottorp an individual vote (Virilstimme) in the College of Princes of the Imperial Diet of the Holy Roman Empire. The negotiations continued intermittently for almost two decades and were not successful due to conflicts between Holstein-Gottorp and the Electorate of Brunswick-Lüneburg, which was held by the King of Great Britain. The third subject is related to the receipt of investiture for

the possession of the Duchy, which Peter Fyodorovich in fact refused due to the reluctance on the part of Empress Elizabeth Petrovna to have the Tsesarevich's representatives participate in the traditional ceremony, which involved kneeling before the Emperor. However, the refusal did not prevent the Grand Duke from asserting his status in the Holy Roman Empire or compromise his right to hold the Duchy.

Keywords: Imperial Diet, Holy Roman Empire, Elizabeth Petrovna, Hermann Karl von Keyserlingk, Russian Empire, diplomacy, diplomatic relations, investiture, Holstein-Gottorp dynasty, German principalities, Germany, Peter Fedorovich.

Возникновение голштинского вопроса (в немецкой историографии также готторпский вопрос) во внешней политике России относится к 1725 г., когда дочь Петра I цесаревна Анна вышла замуж за герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха. Их сын Карл Петер Ульрих (1728–1762), потерявший при рождении мать, а в 11 лет – отца, был претендентом на шведскую и российскую корону, так как приходился внучатым племянником шведскому королю Карлу XII и внуком российскому императору Петру I. Выбор за Карла Петера Ульриха сделала его родная тетка – российская императрица Елизавета Петровна, которая вскоре после переворота 25 ноября (6 декабря) 1741 г. вызвала его в Петербург, так как нуждалась в упрочении своего положения на престоле, в том числе через предъявление подданым законного наследника. В ноябре 1742 г. герцог Гольштейн-Готторпский, будучи вассалом императора Священной Римской империи, принял православие, став великим князем под именем Петра Федоровича и наследником престола Российской империи. Поскольку на момент смены религии герцог был несовершеннолетним, у Елизаветы Петровны возникли опасения, что он может лишиться наследственных владений в Германии. Цель настоящей статьи – показать, какие усилия предприняла российская дипломатия, чтобы подтвердить право Петра Федоровича на владение Гольштейн-Готторпом, тем самым узаконив его статус в Священной Римской империи. Эта юридическая и политическая коллизия до настоящего времени предметом специального исследования не становилась, хотя сохранившиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) источники позволяют восстановить некоторые ее подробности.

Карл Петер был одним из претендентов на российскую корону в силу завещания своей бабушки Екатерины I, скончавшейся в 1727 г., преемником которой по нему стал старший внук Петра I Петр II. После его смерти в 1730 г. потомство первого российского императора было на некоторое время отстранено от престолонаследия: Верховный Тайный совет призвал на царство Анну Иоанновну, дочь царя Ивана V. Наследником Анны Иоанновны, скончавшейся в октябре 1740 г., стал ее внучатый племянник малолетний Иоанн VI Антонович – с ноября 1740 г. при регентстве своей матери принцессы Брауншвейг-Люнебургской Анны Леопольдовны. Наличие в далекой Голштинии еще одного наследника по линии Петра Великого вызывало беспокойство в Петербурге. В январе 1741 г. была воссоздана самостоятельная дипломатическая миссия в Гамбурге при Нижнесаксонском округе Священной Римской империи, ранее подчиненная миссии в Копенгагене. Среди прочего резиденту в Гамбурге Иоганну Дитриху Гейнсону предписывалось внимательно следить за происходящим в Голштинии и при первой возможности обзавестись агентами в Киле, которые могли бы снабжать Петербург сведениями о поведении Карла Петера Ульриха и внешнеполитических планах его окружения¹.

Никаких важных сведений из Голштинии Гейнсон за 1741 г. передать не успел. А когда 25 ноября (6 декабря) 1741 г. на российский престол в результате переворота взошла Елизавета Петровна, она в тот же день отправила дипломату рескрипт с распоряжением

¹ Инструкция И.Д. Гейнсону от 31 января 1741 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 44. Сношения России с Гамбургом. Оп. 1. 1741. Д. 3 (Анна Леопольдовна). Л. 4–4 об. Даты документов указаны в соответствии с оригиналом: в делопроизводстве Коллегии иностранных дел использовался старый стиль, иногда двойные даты; европейские документы датированы новым стилем.

немедленно ехать в Киль и передать ее племяннику, герцогу Карлу Петеру, официальное известие о переменах при российском дворе². В реляции Елизавете Петровне от 15 (26) декабря 1741 г., написанной по итогам встречи с герцогом, Гейнсон оставил его подробный портрет, по нашим сведениям, ранее не публиковавшийся. Приведем его в переводе, сделанном в Коллегии иностранных дел:

«Что же касается до персоны Его Высочества, то я признать должен, что все портреты, которые я видел, того изобразить не могли, что я ныне щастие имел персонально видеть; Его Высочество по летам своим нарочито высокого росту, тонкого и изрядно пропорционального стану. Изображение лица приятнее быть не может. Живость в очах и протчия в лице линияменты (черты. — *М.П.*) проницательства разума показывают, которое сей Государь во младых своих letech являет. Воспитание его изрядное, и все его поступки свидетельствуют, что приложенное о нем попечение небезплодно и бесполезно было, и тако я очевидно удостоверен, что прежде имевшиеся ведомости отчасти несовершенно, отчасти же неосновательны были; по всем видам Его Высочество великоростен и дороден будет, и первое руки и ноги по обыкновению свидетельствуют, а второе экзерции (упражнения. — *М.П.*) корпусом, которыя умерено отправляются, придать могут. Також презрядныя власы имеет, которыя особливо на другой день преизрядно убраны были и их натуральною долготою великую красоту подавали.

В вечеру по получении радостной ведомости Его Высочество, идучи опочивать, на колени став, Бога всеусердно благодарил, а молил, дабы он Вашего Императорскаго Величества возприятное покровительство до глубочайшей старости щастием награждать и благословлять соблаговолил. Дежурной камер-юнкер мне при том сказал, что он, видя сего молодого государя собою и по собственному побуждению такое христианское благоговение с великою ревностию отправляющаго, едва от слез удержаться мог.

Его Высочество изрядно говорит и на все с разсуждением и разумом отвечает; *обретающихся при нем кавалеров и служителей любит и жалует, и ежели кто из последних в чем погрешит и штрафован быть имеет, то об упущении ему вин паче просит, нежели исполнения наказания видеть желает, чем его щедрое и к милосердию склонное сердце довольно окажется. Понятность же его во учении обер-маршал Бриммер³ мне довольно выхвалить не мог. И тако при дарованных ему от Бога качествах и при имеющейся к нему⁴ Вашего Императорскаго Величества благосклонности он людей и подданных щастливыми учинит⁵.*

В 1728 г. Гейнсон вздил с дипломатическим поручением в Стокгольм — официально сообщить шведскому двору о рождении Карла Петера. Юному герцогу стало известно об этом факте, и в беседе с дипломатом он выразил удовольствие, что едва ли не самое важное в его жизни известие, вызвавшее всеобщее ликование при дворе, привез в Киль именно Гейнсон⁶. Переехав в Петербург в феврале 1742 г., теперь уже великий князь Петр Федорович не забыл о Гейнсоне: по просьбе племянника Елизавета Петровна в мае того же года увеличила жалованье дипломату на 1 тыс. руб. Оно составило 3 тыс. руб. в год⁷. Это было одно из первых распоряжений великого князя, свидетельствующее, что он умел быть благодарным.

С 1739 г. герцогством Гольштейн-Готторп управлял опекун Карла Петера — принц-администратор Адольф Фридрих, его двоюродный дядя, с 1727 г. — князь-епископ Любека, с 1743 г. — наследник шведского престола, проживавший в Стокгольме. В Киле от его имени действовал Тайный правительствующий совет (Geheimes Regierungs-Conseil zu Kiel).

² См.: Рескрипт И.Д. Гейнсону от 25 ноября 1741 г., отправленный в день переворота // Там же. Д. 2 (Елизавета Петровна). Л. 1–2 об.

³ *Бруммер, Отто Фридрих* — воспитатель Карла Петера Ульриха, гофмаршал его двора в Киле, впоследствии переехал с герцогом в Петербург.

⁴ Выделенный курсивом фрагмент отчеркнут красным карандашом. Здесь и далее в русских текстах XVIII в. сохранена орфография оригинала, пунктуация модернизирована.

⁵ АВПРИ. Ф. 44. Оп. 1. 1741. Д. 3. (Елизавета Петровна). Л. 15 об.—16 об.

⁶ Там же. Л. 14—14 об.

⁷ Рескрипт И.Д. Гейнсону от 20 мая 1742 г. // Там же. Оп. 1. 1742. Д. 4. Л. 72—72 об.

Полномочия Адольфа Фридриха должны были прекратиться в день совершеннолетия великого князя 10 (21) февраля 1746 г. Однако по мере приближения к этой дате, а значит, и скорому вступлению Петра Федоровича в отцовское наследство, у Елизаветы Петровны росли опасения, что он не сможет закрепить за собой Гольштейн-Готторп из-за перехода в православие, поскольку в имперских законах, в том числе Вестфальских мирных договорах 1648 г., являвшихся юридической основой политического устройства Священной Римской империи во второй половине XVII—XVIII вв., православие не было упомянуто в числе разрешенных на ее территории вероисповеданий. В октябре 1744 г. российский посланник в Дрездене граф Герман Карл фон Кейзерлинг, назначенный в июле полномочным министром в Мюнхен, ко двору императора Священной Римской империи Карла VII из баварской династии Виттельсбахов⁸, получил указание «бденно наблюдать» за возможными «происками и внушениями» германских князей против великого князя при императорском дворе и доносить о них в Петербург, чтобы там могли своевременно принять меры⁹.

После скоропостижной смерти Карла VII 9 (20) января 1745 г. необходимость в создании российской миссии в Мюнхене отпала и Кейзерлинг посоветовал Елизавете Петровне направить аккредитованного представителя во Франкфурт-на-Майне, где вскоре должны были начаться заседания Коллегии курфюрстов для выборов нового императора. Пребывание во Франкфурте этого представителя позволило бы добиться признания за российскими монархами императорского титула, оспариваемого Священной Римской империей с 1721 г.¹⁰ Рескриптом от 16 февраля 1745 г. Елизавета Петровна доверила эту миссию именно Кейзерлингу, а заодно предписала ему выяснить, каким образом «по блискому великого князя совершенству лет» его права и преимущества «при нынешнем его достоинстве соглашены и сохранены быть могли и не полезно ли настоящими обстоятельствами воспользоваться, не токмо для объявления его майорином (совершеннолетним. — *М.П.*), но и получения по тому на герцогство Гольштейнское надлежащей инвеституры»¹¹. «Настоящими обстоятельствами» Елизавета Петровна называла период междунарствия, когда после кончины старого и до выборов нового императора курфюрст Саксонский и курфюрст Пфальца становились викариями Священной Римской империи, т.е. фактически местоблюстителями престола, обладавшими широкими правами: первый — в землях саксонского права, второй — в землях салического права (швабских, рейнских, франконских). Инвеститурой назывался акт передачи ленной грамоты (т.е. на принятие земельного владения), вручаемой императором Священной Римской империи своим вассалам, которыми имперские штаты¹² продолжали считаться и в XVIII в.

В реляции от 12 (23) марта 1745 г. Кейзерлинг привел немало примеров из юридической практики XVI—XVIII вв., когда имперские князья были признаны совершеннолетними в 17 и даже в 16 лет: среди последних — герцог Вюртембергский Карл Евгений (1728—1793) и баварский курфюрст Максимилиан III Иосиф (1727—1777), сын покойного императора Карла VII. По словам дипломата, в истории Священной Римской империи не было прецедентов, когда совершеннолетие жаловалось викариями. При этом пятая глава фундаментального закона империи — Золотой буллы 1356 г., посвященная правовому положению викариев, не упоминала пожалование совершеннолетия ни в числе прав,

⁸ Рескрипт от 27 июля 1744 г. о назначении // Там же. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1744. Д. 46. Л. 59—59 об.

⁹ Рескрипт Г.К. фон Кейзерлингу от 27 октября 1744 г. // Там же. Л. 166 об.—167.

¹⁰ См. об этом: *Петрова М.А.* Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745—1746 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 6. С. 89—109.

¹¹ См. оригинал рескрипта и его перевод на немецкий язык: АВПРИ. Ф. 83. Сношения России с Имперским собранием. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 12 об.—13 об., 30 об.—31.

¹² Имперские штаты (в российской историографии также имперские сословия или имперские чины) — общее название для всех лиц и корпораций, входивших в состав Священной Римской империи, к которым относились курфюрсты, избиравшие императора, имперские князья, графы, прелаты и другие духовные и светские правители, рыцарские ордена, вольные и имперские города.

принадлежавших им, ни в числе так называемых резерватных, или исключительных, прав императора. Из чего Кейзерлинг делал вывод, что если вопрос о пожаловании совершеннолетия викариями обойден молчанием в имперских законах, то они обладают этим правом. При этом курфюрст Саксонии Фридрих Август II (он же польский король Август III), будучи союзником России по договору от 24 января (4 февраля) 1744 г., уже подтвердил свою готовность признать Петра Федоровича совершеннолетним. Дипломат советовал не упускать момент и получить как можно скорее викариатский диплом, чтобы на ближайшем заседании рейхстага Священной Римской империи в Регенсбурге¹³, утверждавшего выборы нового императора, никто не мог бы поставить под сомнения права Петра Федоровича как герцога Гольштейн-Готторпского из-за его перехода в православие.

Кейзерлинг был уверен, что новый император утвердит все решения, принятые викариями, в противном случае они будут бороться за соблюдение своих прав, как это всегда делали их предшественники. При этом ленная грамота на владение наследственными землями вручалась соискателям исключительно императорами, а о церемониале вступления в инвеституру нужно было договариваться с императорским двором. Дипломат предлагал принять за основу тот церемониал, который используют короли Дании и Швеции, имевшие личные владения в Священной Римской империи: первый – Гольштейн-Глюкштадт, второй – Гессен-Кассель. Кейзерлинг также считал необходимым, чтобы курфюрст Саксонии подписал «викариатский патент к опекуновенному правительству» Гольштейн-Готторпа, «дабы все Его Императорское Высочество за своего государя признавали, его повелению и запрещения подобающе и с покорностью исполняли, також по воззребованию оного обыкновенную присягу верности учинили»¹⁴.

Реляция Кейзерлинга была получена 27 марта (7 апреля) 1745 г. На следующий день Елизавета Петровна приказала Коллегии иностранных дел подготовить от имени Петра Федоровича грамоту польскому королю и саксонскому курфюрсту как викарию Священной Римской империи с просьбой о пожаловании совершеннолетия раньше положенного срока¹⁵. Нам не удалось обнаружить в АВПРИ такой документ, но там хранится черновик грамоты самой императрицы от 30 апреля 1745 г., в которой она рекомендует Августу III своего племянника, свидетельствуя «о его многоотличных качествах и о превосходящих нынешние его лета разума и души дарованиях», а также выражая уверенность в том, что король и курфюрст прислушается к этой рекомендации и провозгласит Петра Федоровича совершеннолетним «обыкновенным и имперскими конституциями узаконенным порядком»¹⁶. В середине мая 1745 г. викариатский диплом и грамота саксонского курфюрста великому князю, датированные 7 мая по новому стилю¹⁷, прибыли в Петербург. В них отсутствовало обращение «королевское высочество», обычно употребляемое

¹³ Изначально рейхстаг был периодически созываемым собранием всех штатов Священной Римской империи. В 1663 г. его заседания начали проводиться на постоянной основе, и в них теперь принимали участие не сами имперские штаты, а их представители, поэтому рейхстаг называли конгрессом посланников (Gesandtenkongress). Заседания рейхстага проходили в трех коллегиях – Коллегии курфюрстов, Коллегии князей и Коллегии имперских городов.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 36. Л. 36 об.–44.

¹⁵ Протоколы приемов императрицей Елизаветой Петровной руководства Коллегии Иностранных дел в 1745 г. / публ. К.А. Писаренко // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. XVI. М., 2007. С. 103.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1745. Д. 1. Л. 8–8 об.

¹⁷ Оригиналы документов, вероятно, хранятся в Архиве земли Шлезвиг-Гольштейн в Шлезвиге. Во всяком случае, в описи значится дело за 1745 г. под названием «Совершеннолетие великого князя Российского и герцога Шлезвиг-Гольштинского Петра Федоровича». См.: Landesarchiv Schleswig-Holstein. Abt. 8.1. Geheimes Regierungs-Conseil zu Kiel 1720–1773. № 2013. Отпуск грамоты (чистовая копия) Фридриха Августа II от 7 мая 1745 г. хранится в Главном государственном архиве в Дрездене. См.: Sächsisches Staatsarchiv. Hauptstaatsarchiv Dresden. Bestand 10025. Geheimes Konsilium. Loc. 05230/25 (Ihrer kaiserlichen Hoheit des Großfürsten aller Reußen als Herzog zu Holstein Majorenitätserklärung [betrifft späteren Kaiser Peter III. von Russland]).

в императорских грамотах к голштинским герцогам. Елизавета Петровна приказала полученные документы в Дрезден не возвращать, но попросила саксонский двор прислать новые, включив в титулатуру обращение «императорское и королевское высочество»¹⁸. 15 (26) июня саксонский резидент Иоганн Сигизмунд фон Пецольд вручил документы в первоначальной редакции Петру Федоровичу. В тот же день о совершеннолетии великого князя и о «пресечении поднесь опекунской регенции (правления. — М.П.)» уведомили всех российских дипломатов за рубежом¹⁹. Тайному Правительствующему совету в Киле был направлен указ Петра Федоровича, а принцу-администратору Адольфу Фридриху — грамота о начале самостоятельного правления великого князя как герцога Гольштейн-Готторпского²⁰. Сам он поблагодарил Августа III за оказанную милость грамотой от 18 июня²¹, а Елизавета Петровна — грамотой от 19 июля 1745 г.²²

В конце июля 1745 г. саксонский курфюрст прислал в Петербург новые диплом и грамоту — теперь уже с титулом императорского и королевского высочества, но передал через резидента Пецольда, что считает нецелесообразным повторно отправлять грамоты принцу-администратору Адольфу Фридриху в Стокгольм и Правительствующему совету в Киль, поскольку не все курфюрсты и имперские князья признавали за голштинскими герцогами право именоваться королевским высочеством. Замена грамот могла вызвать на ближайшем заседании рейхстага в Регенсбурге ненужные толки, поставив под сомнение не только сами документы, но и признание совершеннолетия великого князя. Елизавета Петровна с этими доводами согласилась²³.

И все-таки в Петербурге продолжали беспокоиться, что из-за перехода Петра Федоровича в православиe имперские штаты на рейхстаге в Регенсбурге оспорят его признание совершеннолетним, хотя ни в одном имперском законе не говорилось, что государь или принц греческого исповедания не может иметь владений в Священной Римской империи. К тому же опекунское правление в Гольштейн-Готторпе было повсеместно признано в Германии, и никаких вопросов у имперских штатов в связи с переменной вероисповедания герцога к его опекуну до сих пор не возникало. Елизавета Петровна вменяла в обязанность приехавшему в мае 1745 г. во Франкфурт графу Кейзерлингу «чинимые иногда противные рассуждения и толкования опровергать и доказывать, что Греческой закон родительским наследством в Германии владеть нашему племяннику никак не препятствует». Если же паче чаяния этот вопрос будет вынесен на обсуждение рейхстагом и решить его быстро не получится, то основной стратегией российского дипломата должно было стать затягивание спора на долгие годы²⁴.

Кейзерлинг в очередной раз развеял опасения Елизаветы Петровны, ссылаясь на свободу вероисповедания в Священной Римской империи, установленную Аугсбургским религиозным миром 1555 г., хотя действие его распространялось только на католиков, кальвинистов и лютеран. Дипломат подчеркивал, что при смене вероисповедания ни один имперский князь не лишался своих владений и не имел права заставлять подданных следовать его примеру. Кейзерлинг выразил уверенность, что решение саксонского курфюрста как викария империи будет вписано в избирательную капитуляцию нового императора²⁵, что и произошло в сентябре 1745 г., когда главой империи был избран великий герцог Тосканский Франц Стефан (1708—1765) под именем Франца I, супруг эрцгерцогини Австрии, королевы Венгрии и Богемии Марии Терезии²⁶.

¹⁸ См. об этом в докладе коллегии от 21 мая 1745 г.: Протоколы приемов... С. 119—120.

¹⁹ АВПРИ Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 3а. Л. 114—115.

²⁰ Протоколы приемов... С. 132—133.

²¹ Черновики грамоты на русском и немецком языках // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1745. Д. 3. Л. 1—3 об.

²² Там же. Д. 1. Л. 16—17 об.

²³ Доклад от 2 августа 1745 г.: Протоколы приемов... С. 161—162.

²⁴ Рескрипт Г.К. фон Кейзерлингу от 22 июня 1745 г. // АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 3а. Л. 120—123 об.

²⁵ Перевод реляции Г.К. фон Кейзерлинга от 16 (27) июля 1745 г. // Там же. Д. 4. Л. 278 об.—280 об.

²⁶ См.: Wahlkapitulation Franz' I., Frankfurt am Main, 13. September 1745 // Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519—1792 / Bearb. von W. Burgdorf. Göttingen, 2015. S. 470.

Еще в июле 1745 г. Кейзерлинг попросил Коллегию иностранных дел подготовить для него кредитивную (верительную) грамоту (ранее такая грамота была прислана ему для аккредитации при Коллегии курфюрстов во Франкфурте-на-Майне) для получения официального статуса при рейхстаге Священной Римской империи в Регенсбурге, чтобы не только добиваться признания за Елизаветой Петровной императорского титула, но и «интерес Его Императорского Высочества в разсуждении Германских его наследных земель тамо наблюдать и, что к поспешествованию оного служить может, в действо производить». Дипломат также обещал похлопотать, чтобы перед началом работы рейхстага Петр Федорович как герцог Гольштейн-Готторпский получил от нового императора «созывательный лист» (Concovations-Schreiben), т.е. приглашение принять участие в заседании²⁷. Такие приглашения традиционно рассылались императорами имперским князьям после выборов, хотя в XVIII в. в работе рейхстага принимали участие уже их представители. Получил ли великий князь «созывательный лист» от Франца I, пока установить не удалось.

Общаясь с имперскими дипломатами, Кейзерлинг пришел к выводу, что для отстаивания интересов Петра Федоровича на рейхстаге нужен представитель, аккредитованный от его имени. В литературе есть упоминания, что с 1739 по 1749 г. Гольштейн-Готторп и Восточную Фрисландию на рейхстаге представлял Иоганн Каспар фон Погарелл унд Кучерборвиц²⁸. Но судя по тому, что его имя в переписке Кейзерлинга с российским двором не встречается, эти сведения ошибочны. Представитель Петра Федоровича должен был вести переговоры о включении Гольштейн-Готторпа в число имперских штатов, имеющих индивидуальный голос (Virilstimme) в светской курии (Weltliche Bank — с немецкого дословно «светская скамья») Коллегии имперских князей (Reichsfürstenrat) рейхстага²⁹. Менее значимые имперские штаты, например имперские графства, имели только общий, куриатный, голос (Kuriatstimme). К концу XVIII в. в Коллегии князей насчитывалось 94 индивидуальных и 6 куриатных голосов.

Право индивидуального голоса распределялось между так называемыми старо- и новокняжескими домами, т.е. получившими свое достоинство от императоров и голос в Коллегии князей до или после 1582 г., когда на рейхстаге начал действовать территориальный принцип распределения голосов: если умирал последний представитель династии, его голос закреплялся за территорией независимо от того, кому она переходила. Таким образом некоторые имперские князья имели столько голосов на рейхстаге, сколько владений с правом голоса они сумели унаследовать или приобрести.

Коллегия князей была ареной споров о старшинстве или первенстве (Praecedenz), другими словами, какое место в иерархии должен получать каждый новый голос. Ранжирование территорий проявлялось в определении порядка рассадки и голосования, а также в расположении подписей под итоговым постановлением рейхстага (Reichsabschied — с немецкого дословно «имперское прощание»), которое по окончании его работы император должен был зачитать. Критериями были древность и происхождение рода, количество титулов, власть, богатство и многое другое. Поэтому все попытки императора и рейхстагов установить хотя бы обязательные правила рассадки терпели поражение. Проблему решали единственным возможным способом — ежедневно пересаживаться с места на место, чтобы каждый мог на какое-то время приблизиться к председательствующему.

В 1576 г. Померанский, Вюртембергский, Гессенский и Баденский дома заключили соглашение о вечной «альтернации», или чередовании голосов, т.е. зафиксировали порядок рассадки, председательства и голосования по очереди на заседаниях светской курии

²⁷ АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 280 об.—281 об.

²⁸ Düwel S. Ad bellum Sacri Romano-Germanici Imperii solenne decernendum: Die Reichskriegserklärung gegen Brandenburg-Preußen im Jahr 1757. Das Verfahren der “preußischen Befehdungssache” 1756/57 zwischen Immerwährendem Reichstag und Wiener Reichsbehörden: 2 Bde. Reihe: Geschichte. Bd. 130. Münster, 2016. S. 206.

²⁹ Перевод реляции от 30 августа (10 сентября) 1745 г. // АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 5. Л. 122.

Коллегии князей. В 1676 г. к соглашению присоединился Мекленбург³⁰. На протяжении нескольких десятилетий получить свое место среди этих пяти старокняжеских домов пытался Гольштейн-Глюкштадт, принадлежавший датским королям (так называемый Гольштейн королевской линии династии Ольденбургов). Претензии Гольштейн-Глюкштадта оспаривали герцогство Саксен-Лауэнбург, принадлежавшее курфюрстам Брауншвейг-Люнебургским, или ганноверским по названию столицы, которые с 1714 г. были королями Великобритании, и княжество Минден, находившееся во владении прусских королей. Только 2 (13) августа 1740 г., после того как Саксен-Лауэнбург и Минден согласились признать первенство Гольштейн-Глюкштадта, семь имперских штатов, принадлежавших к вышеуказанным пяти домам (Верхняя Померания, Нижняя Померания, Вюртемберг, Гессен-Кассель, Гессен-Дармштадт, Баден-Баден, Баден-Дурлах), заключили с Гольштейн-Глюкштадтом договор о его включении в число голосов, чередующихся на заседаниях Коллегии князей.

Договор содержал сепаратный артикул о герцогстве Гольштейн княжеской линии династии Ольденбургов, т.е. о Гольштейн-Готторпе. Согласно этому артикулу, участники договора были готовы предоставить голос Гольштейн-Готторпу, если ему удастся преодолеть некоторые не названные в тексте препоны³¹. Как пояснил Кейзерлинг в реляции от 30 августа (10 сентября) 1745 г., речь шла о противодействии Саксен-Лауэнбурга и Миндена, хотя Гольштейн-Готторп обладал такими же правами и привилегиями, как и Гольштейн-Глюкштадт: императорский диплом 1474 г., даровавший графству Гольштейн статус герцогства, продолжал действовать и после его раздела в 1544 г. Между наследниками датской короны, ставшими родоначальниками различных линий дома Ольденбургов. Чтобы преодолеть сопротивление Саксен-Лауэнбурга и Миндена, Петру Федоровичу необходимо было, по мысли российского дипломата, направить на рейхстаг своего уполномоченного, «которой бы персональным занятием места на княжеской лавке преимущества его императорского высочества яко Герцога Голштинского подкреплять и производить искал»³².

Ознакомившись с предложением Кейзерлинга, Елизавета Петровна назначила представителем великого князя на рейхстаге графа З.Г. Чернышева, хотя высказала сомнения, что он как православный будет принят и аккредитован при рейхстаге³³, и потому велела не сообщать ему о цели поездки в Германию. Инструкциями Чернышева должен был снабдить во Франкфурте Кейзерлинг³⁴. Выбор молодого и явно не подготовленного человека для столь трудного поручения немало удивил дипломата, о чем он не побоялся деликатно сообщить канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину в письме от 21 октября (1 ноября) 1745 г. Переговоры на рейхстаге — долгий процесс, требующий превосходного знания немецкого языка, законодательства Священной Римской империи и азов публичного права. По поводу православного вероисповедания Чернышева Кейзерлинг не мог сказать что-то определенное, но предполагал, что это тоже может стать препятствием³⁵.

Приехавший в ноябре 1745 г. во Франкфурт Чернышев произвел на Кейзерлинга приятное впечатление. Старый дипломат был готов всячески ему помогать, но вновь написал Бестужеву, что германское «статское право» в академиях изучают не один год, а по окончании курса выходит, что полученных теоретических знаний недостаточно и необходима ежедневная практика³⁶. В реляции Елизавете Петровне от 15 (26) ноября 1745 г. Кейзер-

³⁰ См. подробнее: *Brüser J. Württemberg und das Reich. Die Bemühungen der Herzöge von Württemberg um eine Reichstagsstimme für das Herzogtum Teck zwischen 1653 und 1803 // Zeitschrift für württembergische Landesgeschichte. 2018. Bd. 77. S. 195–203.*

³¹ Текст договора и его перевод на русский язык см.: АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 5. Л. 114–116 об., 124–129.

³² Там же. Л. 120–123.

³³ Протоколы приемов... С. 177.

³⁴ Там же. С. 180, 188–189; Рескрипт Чернышеву от 30 сентября 1745 г. // АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 6. Л. 23–23 об.

³⁵ См. перевод письма: АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 5. Л. 354–355.

³⁶ Перевод письма Кейзерлинга А.П. Бестужеву от 15 (26) ноября 1745 г. // Там же. Л. 414–415 об.

линг сформулировал основную задачу Чернышева на ближайшем заседании рейхстага: «О заседании и голосе с древними княжескими домами согласиться, дабы герцогско-голландской министр в самом начале в ранг королевско-голландского вступить мог, не будучи подтвержден прекословию интересовавшихся в том, ибо в таком случае единственно толко способ протестации остается, чем, однако ж, ничего не получено, но паче Голландия по пражному выключена была б»³⁷.

Чтобы пресечь возражения со стороны Саксен-Лауэнбурга, Кейзерлинг неофициально поговорил с ганноверским посланником на рейхстаге Людольфом Дитрихом Хуго фон Хуго, который обнадеежил его, что направит своему государю представление о желании Петра Федоровича получить голос в Коллегии князей. Так как прусский король и курфюрст Бранденбурга Фридрих II в выборах императора в 1745 г. не участвовал, выступая против кандидатуры Франца I (напомним, что в Европе продолжалась Война за австрийское наследство 1740–1748 гг.), прусский министр во Франкфурте отсутствовал и, по мнению российского дипломата, вряд ли приехал бы на заседание рейхстага. Поэтому препятствие со стороны Миндена вроде бы устранялось само собой.

Кейзерлинг считал, что решению дела поспособствовало бы получение датским министром на рейхстаге соответствующих инструкций и указов от своего двора, «ибо Дания по тому ж основанию свои преимущества и правости с Герцогско-Голландским домом производит». Но самым разумным и необходимым решением, по мысли российского дипломата, стало бы отправление великим князем циркулярной грамоты (т.е. грамоты идентичного содержания) ко всем заинтересованным древним княжеским домам с просьбой оказать содействие: «Сей знак аттенции их к тому толь наипаче побудит, яко древность и высочество сего герцогского дома, на что княжеская лавка толь zelo оглядывается, за оной дом сами говорят, да и его преимущества и ранг пред многими другими княжескими домами на основаниях древних времен известей и доказательств весьма неподвижно утверждается»³⁸.

Реляция Кейзерлинга дала Елизавете Петровне и канцлеру Бестужеву-Рюмину немало пищи для размышлений, однако каких-то распоряжений по горячим следам не последовало. Рескриптом от 31 декабря 1745 г. дипломату предписывалось до дальнейших указов голландские интересы «надлежащим образом наблюдать и по вашему лутшему знанию оныя поспешествовать искать»³⁹. Однако и в следующем году никаких подробных инструкций, как вести себя на рейхстаге, Кейзерлинг так и не получил, продолжая действовать на свой страх и риск. 4 (15) февраля 1746 г. он сообщал, что по его просьбе прибывший во Франкфурт прусский посланник Адам Генрих Польшман написал к своему двору и ожидал, что король Фридрих II как князь Миндена пойдет на уступки великому князю⁴⁰.

25 февраля (8 марта) 1746 г. Елизавета Петровна приняла решение отозвать З.Г. Чернышева из Франкфурта, приказав ему без промедления вернуться в Россию. В качестве причины была указана «различность религии», о незнании немецкого языка в рескрипте не упоминалось⁴¹. До назначения нового представителя великого князя дело о голландском голосе на рейхстаге было поручено Кейзерлингу⁴². В Коллегии иностранных дел, очевидно, не очень понимали специфику законодательства и юридическую практику Священной Римской империи, поэтому все вопросы, возникавшие у российского дипломата, были переадресованы «Голландскому великокняжескому совету», находившемуся при Петре Федоровиче как герцоге Гольштейн-Готторпском. Фактически это была Петербургская канцелярия Тайного Правительствующего совета, продолжавшего действовать от имени великого князя в Киле. Руководителем канцелярии до 1757 г. был барон

³⁷ Там же. Л. 405–406.

³⁸ Там же. Л. 406–407 об.

³⁹ Там же. Д. За. Л. 263–263 об.

⁴⁰ Там же. Оп. 1. 1746. Д. 2. Л. 75–76 об.

⁴¹ Там же. Оп. 1. 1745. Д. 6. Л. 24–24 об. (в деле есть документы за 1746 г.)

⁴² Там же. Оп. 1. 1746. Д. 1. Л. 5–6 об.

Иоганн фон Пехлин, который выступал в роли посредника между Петром Федоровичем и «сиятельным российским императорским министерством».

12 (23) апреля 1746 г. коллегия направила Голштинскому совету ноту с просьбой обеспечить Кейзерлинга необходимыми инструкциями для работы на рейхстаге⁴³. В фонде «Сношения России с Голштинией» АВПРИ, где хранятся оригиналы нот Пехлина российскому министерству, нам не удалось найти его ответ на ноту коллегии. Судя по реляциям Кейзерлинга за 1746 г., этот ответ так и не был подготовлен, поэтому на рейхстаге, куда дипломат прибыл 30 мая (10 июня) 1746 г., он продолжал действовать исходя из собственного понимания ситуации, беседуя как бы от себя лично с представителями имперских штатов (например, Пфальца и Гессен-Касселя), которые могли бы оказать ему поддержку.

В реляции от 14 (25) июля 1746 г. дипломат попросил, чтобы Петр Федорович снабдил его официальными полномочиями на проведение переговоров, и вновь напомнил Елизавете Петровне о необходимости направить на рейхстаг голштинского министра, а также советовал, чтобы великий князь написал прусскому и британскому королям как владельцам Миндена и Саксен-Лауэнбурга. Заседания рейхстага должны были возобновиться через шесть недель, за это время документы могли быть получены всеми заинтересованными сторонами. Гольштейн-Готторп, по мнению Кейзерлинга, должен был лишь вернуть принадлежавшее ему по праву: ведь в 1480 г. на рейхстаге в Нюрнберге герцог Голштинский занимал место перед герцогами Клевским и Гелдернским, ландграфом Гессенским и маркграфом Баденским, хотя и после герцогов Померанского и Мекленбургского. Пока герцоги Голштинские принимали участие в заседаниях рейхстага, подписывали его постановления, их старшинство под сомнение не ставилось. Как только они стали пропускать заседания, то сами подали повод другим домам, например графству Вюртемберг, получившему статус герцогства, лишить себя права голоса и других преимуществ⁴⁴.

Наступил ноябрь, а Петр Федорович так и не направил Кейзерлингу запрашиваемых полномочий, а прусскому и британскому королям — грамоты с просьбой пойти на уступки в вопросе о голштинском голосе. В ожидании рекредитивной (отпускной) грамоты от рейхстага, содержавшей императорский титул Елизаветы Петровны, Кейзерлинг убеждал представителей древних княжеских домов в необходимости поддержать право Гольштейн-Готторпа на голос в Коллегии князей. Между тем срок пребывания дипломата в Регенсбурге был ограничен — Елизавета Петровна предписала ему по получении грамоты рейхстага без промедления ехать в Берлин⁴⁵, куда назначила его своим посланником еще 11 мая 1746 г.⁴⁶

Неожиданный вариант решения проблемы со стороны Миндена предложил через своего представителя на рейхстаге прусский король Фридрих II. Он разрешил Кейзерлингу самому написать ему письмо с просьбой о содействии в голштинском вопросе, не дожидаясь официальной грамоты великого князя, что дипломат и сделал⁴⁷. В письме Фридриху II от 3 ноября 1746 г. Кейзерлинг назвал себя уполномоченным российской императрицы и попросил принять «без всякой кондиции» Гольштейн-Готторп «в число переменяющихся на имперском сейме древних княжеских домов» в связи с тем, что права Гольштейн-Готторпа и Гольштейн-Глюкштадта «на одном основании находятся» и, следовательно, «что Гольштейн-Гликштату дозволено, то и Гольштейн-Готторпу равномерным образом тем пользоваться надлежит»⁴⁸. Фридрих II в письме российскому дипломату от 14 ноября 1746 г. выразил готовность допустить Гольштейн-Готторп к голосованию в Коллегии князей и признать его первенство перед Минденом, а также разрешил использовать

⁴³ Там же. Ф. 51. Сношения России с Голштинией. Оп. 7. 1742–1759. Д. 4. Л. 50–51 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1746. Д. 2. Л. 256–258 об.

⁴⁵ См. об этом в письме к А.П. Бестужеву-Рюмину от 30 октября (10 ноября) 1746 г. // Там же. Л. 403–403 об.

⁴⁶ Там же. Оп. 1. 1746. Д. 1. Л. 27–30.

⁴⁷ Перевод реляции Г.К. фон Кейзерлинга от 17 (28) ноября 1746 г. // Там же. Д. 2. Л. 419–421 об.

⁴⁸ Копия и перевод письма Г.К. фон Кейзерлинга // Там же. Л. 414–414 об., 425–426 об.

это письмо в качестве официальной декларации, по поводу чего дал соответствующие инструкции своему посланнику Польману как представителю Верхней Померании⁴⁹.

О решении Фридриха II Кейзерлинг проинформировал представителей имперских князей на рейхстаге и президента ганноверского правительства барона Герлаха Адольфа Мюнхгаузена. Тот обещал написать своему государю⁵⁰. Британский король Георг II через ганноверского министра на рейхстаге Хуго вроде бы выразил готовность пойти на уступки со стороны Саксен-Лауэнбурга и признать первенство голштейн-готторпского голоса, но выдвинул Петру Федоровичу ряд условий: во-первых, хлопотать перед древними княжескими домами, и особенно перед датским двором, о том, чтобы Саксен-Лауэнбург был включен в число чередующихся голосов; во-вторых, чтобы великий князь оплатил долги герцогства перед Люнебургской соляной конторой, располагавшейся в курфюршестве; в-третьих, отменить недавно введенную для его жителей таможенную пошлину на границе с Гольштейн-Готторпом.

Кейзерлинг, не посвященный в детали финансовых противоречий между герцогствами, постарался убедить Хуго передать это дело на рассмотрение голштинскому правительству в Киле, а сейчас ограничиться вопросом о принятии голоса, выразив уверенность, что великий князь из уважения к британскому королю и ганноверскому курфюрсту не откажется похлопотать о включении Саксен-Лауэнбурга в состав голосующих. Кейзерлинг не сомневался, что еще до своего отъезда из Регенсбурга получит декларацию Георга II, аналогичную той, что прислал Фридрих II. Однако британский король и курфюрст решил не отступать от формальностей: через посланника Хуго он предложил великому князю заключить договор, в котором отказывался от «неоспоримого права первенства» саксен-лауэнбургского голоса перед голштейн-готторпским взамен на перечисленные выше уступки, и все это из особой любезности к великому князю⁵¹.

После разговора с Хуго Кейзерлинг, за неимением необходимых сведений и полномочий вступать в обсуждение финансовых дел Петра Федоровича, составил 20 (31) декабря 1746 г. промеморию, адресованную всем «переменяющимся по очереди домам», в которой сообщил о декларации прусского короля и потенциальной готовности британского короля (пока не обремененной в форму документа из-за того, что «некоторые приватные в делах обстоятельства за краткостию времени здесь окончаны быть не могут») урегулировать спорный вопрос, попросив принять резолюцию по делу о голштейн-готторпском голосе⁵².

В тот же день в квартире гессен-кассельского посольства в Регенсбурге состоялась специальная конференция по делу о голосе Гольштейн-Готторпа. На нем представители Гессен-Касселя, Гессен-Дармштадта, Гольштейн-Глюкштадта, Мекленбурга, Верхней и Нижней Померании, Баден-Дурлаха и Баден-Бадена, рассмотрев промеморию Кейзерлинга, постановили, что после устранения препятствия со стороны британского короля Гольштейн-Готторп сможет занимать по очереди свое место на заседаниях Коллегии князей⁵³. Возражения возникли только у Мекленбурга в силу давнего конфликта с Гольштейн-Готторпом, не имевшего отношения к делу. Кейзерлингу было важно инициировать это обсуждение, чтобы к протоколу конференции как одному из актов рейхстага была приобщена декларация прусского короля. Тем самым снимался вопрос о вероисповедании Петра Федоровича, ибо декларация была сделана уже после перехода великого князя в православие. Дипломат считал, что уступку со стороны Ганновера можно было получить, если бы Елизавета Петровна сделала представление британскому королю через своего министра в Лондоне. Кейзерлинг даже высказал предположение, что Георг II ничего не знает о финансовых условиях, выдвинутых Петру Федоровичу, что «сие

⁴⁹ Копия и перевод письма Фридриха II // Там же. Л. 415–415 об., 427–428.

⁵⁰ Перевод реляции Г.К. фон Кейзерлинга от 17 (28) ноября 1746 г. // Там же. Л. 422–423 об.

⁵¹ Реляция Г.К. фон Кейзерлинга от 6 (17) января 1747 г., составленная в Дрездене по дороге из Регенсбурга в Берлин // Там же. Ф. 74. Сношения России с Пруссией. Оп. 1. 1747. Д. 4а. Л. 38–44.

⁵² Промемория и ее перевод // Там же. Л. 17–17 об., 51–52 об.

⁵³ Протокол конференции и его перевод // Там же. Л. 13–14, 48–50.

единственным делом ганноверского министерства есть, которое при снисхождении оногo государя на доходы его смотрит»⁵⁴.

Рескриптом от 14 февраля 1747 г. Елизавета Петровна поблагодарила дипломата за труды, однако по существу предоставленных им сведений и соображений ничего не ответила. В реляции от 2 (13) мая 1747 г. Кейзерлинг вновь напоминал императрице о необходимости направить официальное представление британскому королю⁵⁵. Нам остается только предполагать, почему она не последовала совету дипломата, а Коллегия иностранных дел не снабдила соответствующими инструкциями посланника в Лондоне П.Г. Чернышева. Во всяком случае, нам не удалось найти никаких распоряжений за 1747–1748 гг., адресованных ему по этому поводу, хотя в рассматриваемый период Россия и Великобритания вели переговоры о заключении конвенции о военных субсидиях и вполне могли обсудить еще и вопрос о голосе на рейхстаге. Возможно, Елизавета Петровна следовала принятой ранее позиции — не вмешиваться в дела великого князя как герцога Гольштейн-Готторпского, а он весьма болезненно воспринимал любые попытки лишить погрязшее в долгах герцогство пусть даже небольших средств.

Кроме того, после признания Петра Федоровича совершеннолетним в 1745 г. российской и голштинской дипломатии предстояло решать другую важнейшую для легитимации великого князя задачу — получения от императора Священной Римской империи инвеституры на владение Гольштейн-Готторпом. Церемония передачи ленной грамоты требовала участия официального представителя Петра Федоровича. В сентябре 1746 г. его уполномоченным был назначен российский чрезвычайный посланник в Вене Людвик Ланчинский, которому по просьбе голштинской канцелярии Елизавета Петровна выделила 5 тыс. руб. на необходимые расходы⁵⁶. Рескриптом от 6 ноября 1746 г. императрица приказала Ланчинскому узнать, не изменилась ли церемония «леноприятия» при венском дворе. Ее исторически сложившийся еще средневековый вариант предполагал, что в ходе передачи грамоты представители курфюрстов и имперских князей вставали на колени перед императором и выходили из зала, пятясь назад. Елизавета Петровна просила выяснить, нельзя ли избежать коленопреклонения, дабы не уронить императорское достоинство российского двора⁵⁷.

В подробной реляции от 25 ноября 1746 г. Ланчинский сообщил, что надежд на изменение церемониала нет. 4 ноября 1741 г. прусский король Фридрих II заключил соглашение о титуле с баварским курфюрстом Карлом Альбрехтом (будущим императором Карлом VII), который в обмен на голос Бранденбурга на предстоящих выборах обещал отменить обычай коленопреклонения как «несходный» с достоинством курфюрстов, имевших королевский титул. Помимо прусского короля им обладали курфюрст Саксонии как король Польши, курфюрст Брауншвейг-Люнебурга как король Великобритании, король и курфюрст Богемии. Соглашение было тайным, а поскольку за свое короткое правление, пришедшееся на Войну за австрийское наследство, Карл VII никому инвеституры не жаловал, то так и осталось неизвестным, согласился бы он сделать исключение ради прусского короля или нет. 7-я статья Дрезденского мирного договора, подписанного Пруссией с Австрией и Саксонией 14 (25) декабря 1745 г., гласила среди прочего, что милости, оказанные Карлом VII прусскому королевскому дому, должны быть утверждены его преемником Францем I. Ланчинский, видимо, считал сомнительным, что Фридриху II удастся включить в число этих милостей изменение церемониала.

Об отношении императора Франца I к нарушению обычая ярко свидетельствует следующий факт. Он не принял прошения о пожаловании инвеституры со стороны

⁵⁴ Реляция Г.К. фон Кейзерлинга от 6 (17) января 1747 г. // Там же. Л. 45–47.

⁵⁵ Там же. Л. 208 об.

⁵⁶ Выписка из рескрипта Л. Ланчинскому от 20 сентября 1746 г. // Там же. Ф. 51. Оп. 7. 1749–1759. Д. 1. Выписка о деньгах, данных Российскому Послу Ланчинскому для принятия Гольштинии в качестве лена от Императора Римско-Католического. Л. 1 об.—2 об.

⁵⁷ Перевод рескрипта, переданный Гольштинскому совету // Там же. Оп. 7. 1742–1759. Д. 4. Л. 53–54 об.

курфюрстов Саксонии, Ганновера и Бранденбурга, подписанные не ими самими, как это было всегда, а их представителями. Остальные курфюрсты и так называемые старые князья не осмелились нарушить обычай и направили императору прошения за своей подписью. По свидетельству Ланчинского, за год, прошедший со времени вступления Франца I на престол, состоялись только две церемонии ленопринятия — для графства Ламберг и Немецкого ордена. Представители обоих получили инвеституру коленопреклоненно, хотя великий магистр Немецкого ордена (Deutscher Orden) Клеменс Август Баварский, брат покойного императора Карла VII, являлся одновременно курфюрстом Кёльна. Открытым оставался вопрос, как будет происходить церемония принятия лена на курфюршество Богемии, которым владела супруга императора Мария Терезия.

На основании вышеизложенного, Ланчинский задавался вопросом, не угодно ли будет Петру Федоровичу назначить своим представителем не российского императорского министра, а голштинского кавалера или кого-то другого. Пока же дипломат считал необходимым сообщить венскому двору, что сам он не может коленопреклоненно получать ленную грамоту, чтобы не уронить императорское достоинство российского двора⁵⁸. Получив вексель на 5 тыс. руб., Ланчинский выручил 9204 гульдена. Часть денег сразу была потрачена на подготовку необходимых документов в Имперской надворной канцелярии, остальные — на покупку шор для лошадей, серебряных ливрейных позументов и на ремонт кареты⁵⁹.

В Петербурге, по-видимому, решили подождать, как будут проходить церемонии вступления в инвеституру у других имперских штатов, поэтому никаких распоряжений Ланчинскому по горячим следам сделано не было. В ноябре 1747 г. Пехлин получил сообщение из Вены, что пока ни курфюрсты, ни древние княжеские дома не принимали ленов от Франца I, который велел объявить, что «никакой новой церемониал никогда не дозволит и что те, коим оной предосудительным кажется, крепко о том уверены быть могут». Зная об обещании, данном Карлом VII Фридриху II, другие курфюрсты, имевшие королевский титул, требовали, чтобы и им было предоставлено право не преклонять колена перед императором, а прочие курфюрсты «в том хуже королей быть не хотят», так как последние принимают лен не в качестве королей, а в качестве курфюрстов. Светские древние княжеские дома заняли выжидательную позицию⁶⁰.

2 (13) августа 1749 г. Франц I, недовольный тем, что имперские штаты медлят с принятием имперских ленов, приказал Имперскому надворному совету (Reichshofrat) установить трехмесячный срок для получения инвеституры после смены владельца, обещая в противном случае направить нарушителям строгие внушения⁶¹. Ланчинский, приславший в Петербург императорскую резолюцию при реляции от 12 (23) августа 1749 г., сообщил, что пока никакой реакции курфюрстов и имперских князей на это предупреждение не последовало⁶².

По прошествии трех месяцев выяснилось, что имперские штаты по-прежнему не топят исполнять решение Франца I, а ввиду изменившейся расстановки сил внутри империи в XVIII в. и ослабления императорской власти ему не удастся настоять на своем. Тем не менее в ноябре 1749 г. Голштинский совет в лице Пехлина обратился к Елизавете Петровне с просьбой все-таки назначить представителя Петра Федоровича для принятия лена, так как установленный Францем I срок получения инвеституры истек. Пехлин не сомневался, что на церемонии принятия лена представителю великого князя придется преклонить колена перед императором. Отсюда возникал вопрос: согласится ли Елизавета Петровна, чтобы это делал ее министр Ланчинский, пусть исключительно в статусе уполномоченного герцога Гольштейн-Готторпского, или предпочтет кандидатуру,

⁵⁸ Там же. Л. 206–212 об.

⁵⁹ Счет расходам см.: Там же. Оп. 7. 1749–1759. Д. 1. Л. 8 об.—10.

⁶⁰ Оригинал и перевод сообщения имперского агента Мидделбурга от 22 декабря 1747 г. // Там же. Оп. 7. 1747–1750. Д. 1. Л. 23–23 об.

⁶¹ Печатный экземпляр резолюции Франца I и его перевод на русский язык // Там же. Л. 281–282, 287–288 об.

⁶² Там же. Оп. 7. 1742–1759. Д. 4. Л. 203–203 об.

предложенную Петром Федоровичем, — голштинского тайного советника Фридриха Бухвальда. Если выбор будет сделан в пользу второго, то ему необходимо передать выделенные первому деньги⁶³. Императрица поддержала предложенную кандидатуру и велела Ланчинскому передать Бухвальду по приезду в Вену остаток средств, а также оказывать ему помощь в подготовке к церемонии и получении необходимых документов в Имперской надворной канцелярии⁶⁴.

Время шло, а Бухвальд в Вену по неизвестным нам причинам не ехал. По свидетельству Ланчинского, лошади одряхтели, серебряные позументы на ливреях начали темнеть, а шоры — ржаветь⁶⁵. И вот уже новые российские представители в Вене — сначала Г.К. фон Кейзерлинг, затем М.П. Бестужев-Рюмин — спрашивали, что делать с ливреями, шорами, каретой, лошадьми. Елизавета Петровна, отличавшаяся известной практичностью и даже скупостью, разрешила дипломатам пользоваться купленными вещами и лошадьми (раз их невозможно продать по сопоставимой цене), но аккуратно — вдруг еще пригодятся для заявленной цели⁶⁶. После 1759 г. вопрос о «голштинском ленопринятии» уходит из дипломатической переписки. Таким образом, Петр Федорович, ставший в 1762 г. императором, не получил инвеституру на владение Гольштейн-Готторпом, что тем не менее не ставило под сомнение его статус в Священной Римской империи.

Вопрос о голштинском голосе в Коллегии князей вновь возник в 1756 г. при назначении на рейхстаг очередного посланника Петра Федоровича Йозефа Карла Вильгельма Тойфеля фон Пиркензее. Из составленной для него инструкции следует, что этот вопрос по-прежнему был увязан с финансовыми претензиями курфюршества Ганновер, которые великий князь попытался удовлетворить в 1749 г., но так и не довел переговоры до конца⁶⁷. При этом в январе 1757 г. на общем собрании рейхстага представитель Петра Федоровича проголосовал за резолюцию, предложенную императором Францем I об объявлении Фридриху II имперской войны (Reichskrieg).

В феврале 1757 г. Россия открыла свое представительство в Регенсбурге, направив туда резидента Георга Генриха Бютнера, прусского подданного, около 20 лет находившегося на российской службе. В его обязанности, среди прочего, входило «поспешествовать голштинско-готторпские сеймовые (сеймом в русских источниках называли рейхстаг. — М.П.) дела и помогать во всем голштинскому представителю»⁶⁸. Как свидетельствует переписка Коллегии иностранных дел с голштинскими министрами, вопрос об участии Гольштейн-Готторпа в голосовании на Коллегии князей не был решен в пользу великого князя ни в ходе его короткого царствования в качестве императора Петра III, ни в первые годы правления Екатерины II — вновь из-за препятствий со стороны Саксен-Лауэнбурга. В 1767 г. Гольштейн-Готторп был передан Дании от имени великого князя Павла Петровича взамен на графства Ольденбург и Дельменгорст, правителями которых стали впоследствии представители младшей ветви династии Ольденбургов⁶⁹.

Представленный материал еще требует своего осмысления — прежде всего в контексте функционирования институтов Священной Римской империи и сохранения традиционных

⁶³ Перевод ноты И. фон Пехлина от 29 ноября 1749 г. // Там же. Оп. 7. 1747—1750. Д. 1. Л. 283—286 об.

⁶⁴ Перевод ноты Коллегии иностранных дел И. фон Пехлину от 10 декабря 1749 г. // Там же. Оп. 7. 1742—1759. Д. 4. Л. 219—221.

⁶⁵ Реляции Ланчинского от 9 июня 1750 г., 16 марта, 20 августа и 9 сентября 1751 г. // Там же. Оп. 7. 1749—1759. Д. 1. Л. 10—11 об., 12 об.—15.

⁶⁶ См. реляции за 1752—1759 г. // Там же. Л. 15 об.—20.

⁶⁷ Экстракт из инструкции // Там же. Оп. 7. 1759—1761. Д. 1. Л. 277—282 об.

⁶⁸ Соответствующий рескрипт от 31 января 1757 г. был направлен Бютнеру после представления Пехлиным промемории российскому министерству от 9 января 1757 г. Текст промемории см.: Там же. Л. 138—138 об.

⁶⁹ Об отношениях России и Дании в связи с голштинским вопросом см.: *Hübner E.* Staatspolitik und Familieninteresse: die gottorfische Frage in der russischen Aussenpolitik, 1741—1773. Neumünster, 1984; *Стегний П.В.* Голштинский вопрос в дипломатии Екатерины II // Российская дипломатия: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию создания Посольского приказа. М., 2001. С. 169—198.

процедур, вызывавших все большее раздражение имперских штатов. Коллизия с получением Гольштейн-Готторпом индивидуального голоса в Коллегии князей, пусть и закончившаяся неудачей, свидетельствует, что рейхстаг оставался важным местом коммуникации имперских штатов, а порядок старшинства и чередования голосов был предметом переговоров, в которых стороны готовы были идти на уступки друг другу. Необходимо подчеркнуть, что при решении таких сложных проблем российская дипломатия действовала профессионально, строго в правовом поле Священной Римской империи и добилась существенных результатов. Великий князь Петр Федорович был признан совершеннолетним на год раньше положенного срока, а переход в православие и фактический отказ от получения ленной грамоты не поставили под сомнение его право на владение герцогством Гольштейн-Готторп. Возможно, свою роль здесь сыграл и политический вес Российской империи.

Библиография

Петрова М.А. Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 6. С. 89–109.

Протоколы приемов императрицей Елизаветой Петровной руководства Коллегии Иностранных дел в 1745 г. / публ. К.А. Писаренко // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. XVI. М., 2007.

Стегний П.В. Голштинский вопрос в дипломатии Екатерины II // Российская дипломатия: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию создания Посольского приказа. М., 2001. С. 169–198.

Brüser J. Württemberg und das Reich. Die Bemühungen der Herzöge von Württemberg um eine Reichstagsstimme für das Herzogtum Teck zwischen 1653 und 1803 // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. 2018. Bd. 77. S. 195–233.

Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519–1792 / Bearb. von W. Burgdorf. Göttingen, 2015.

Düwel S. Ad bellum Sacri Romano-Germanici Imperii solenne decernendum: Die Reichskriegserklärung gegen Brandenburg-Preußen im Jahr 1757. Das Verfahren der “preußischen Befehdungssache” 1756/57 zwischen Immerwährendem Reichstag und Wiener Reichsbehörden: 2 Bde. Reihe: Geschichte. Bd. 130. Münster, 2016.

Hübner E. Staatspolitik und Familieninteresse: die gottorfische Frage in der russischen Aussenpolitik, 1741–1773. Neumünster, 1984.

References

Petrova M.A. German Karl fon Keizerling i priznanie imperatorskogo titula rossijskich gosudarej Svyaschennoj Rimskoj imperieje germanskoj nacii v 1745–1746 gg. [Hermann Karl von Keyserling and the recognition of the imperial title of Russian sovereigns by the Holy Roman Empire of the German Nation in 1745–1746] // Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin Moscow State Institute of International Relations]. 2021. Vol. 14. № 6. S. 89–109. (In Russ.)

Protokoly priemov imperatritsej Elizavetoj Petrovnoj rukovodstva Kollegii Inostrannykh del v 1745 g. [Records of receptions by Empress Elisabeth of the leadership of the College of Foreign Affairs in 1745] / publ. K.A. Pisarenko // Rossijskij Arkhiv. Istorija Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Al'manakh [Russian Archive. History of the Fatherland in sources and documents of the 18th–20th centuries. Almanac]. Vol. XVI. Moskva, 2007. S. 61–250. (In Russ.)

Stegnij P.V. Golshtinskij vopros v diplomatii Ekateriny II [The Holstein Question in the Diplomacy of Catherine II] // Rossijskaja diplomatija: Istorija i sovremennost'. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvjashchennoj 450-letiju sozdanija Posol'skogo prikaza [Russian Diplomacy: History and Modernity. Materials of the scientific-practical conference dedicated to the 450th anniversary of the creation of the Ambassadorial Chancery]. Moskva, 2001. S. 169–198. (In Russ.)

Brüser J. Württemberg und das Reich. Die Bemühungen der Herzöge von Württemberg um eine Reichstagsstimme für das Herzogtum Teck zwischen 1653 und 1803 // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. 2018. Bd. 77. S. 195–233.

Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519–1792 / Bearb. von W. Burgdorf. Göttingen, 2015.

Düwel S. Ad bellum Sacri Romano-Germanici Imperii solenne decernendum: Die Reichskriegserklärung gegen Brandenburg-Preußen im Jahr 1757. Das Verfahren der “preußischen Befehdungssache” 1756/57 zwischen Immerwährendem Reichstag und Wiener Reichsbehörden: 2 Bde. Reihe: Geschichte. Bd. 130. Münster, 2016.

Hübner E. Staatspolitik und Familieninteresse: die gottorfische Frage in der russischen Aussenpolitik, 1741–1773. Neumünster, 1984.